

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

XLI Международная филологическая конференция

26–31 марта 2012 года

Избранные труды

Санкт-Петербург
2013

тырех темпоральных существительных — *tac* «день», *morgen* «утро», *ende* «конец», *unzît* «неподходящее, плохое время», — которые в предложении функционируют как подлежащее, предикатив или объект и обозначают наступление какого-либо темпорального отрезка (4) либо «качественное» время (5):

(4) *Dô des strîtes ende was, // dô irbeizeten nider ûf daz gras // die brûdere unde ir helfer dô.* (2663—65) — Когда наступил конец битвы, тут опустились на траву братья и их помощники.

(5) *wer den strît volberten mac // der tût dem vienden bôsen tac.* (3089—3090) — Кто может довести бой до конца, тот устроит врагу тяжелый день.

Входящее в обстоятельственную предложную конструкцию существительное *unzît* само обладает оценочной семой, усиленной с помощью прилагательного *grôz* «большой»:

(6) *der kummentûr und die brûdere sîn // brâchte zû einem strîten// zû grôzen unzîten* (3092—3094) — Комтур и его братья начали сражение в очень неудачное время.

Таким образом, наибольшее число общих черт между СРХ и рыцарским эпосом обнаруживают показатели длительности действия и предшествования. Прочие группы темпоральных показателей обнаруживают параллели или в своем составе, или в количественном соотношении. Особенно следует отметить практически полное отсутствие в проанализированном фрагменте СРХ наречий *ie/immer* и *nie/nimmer* как показателей кратности («всегда — никогда») и длительности («все время — никогда») действия, а также расположение коннектора *dô* в конце строки.

В целом в СРХ прослеживается общая для средневерхнегерманского рыцарского эпоса тенденция распределения обстоятельств времени, что дополнительно подтверждает тезис о стилистическом уподоблении СРХ такого рода памятникам.

Литература

Бегунов, Клейненберг, Шаскольский, 1966 — Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Отв. ред. Г. Н. Караев. М.; Л.: Наука, 1966. — С. 169—240.

Гулыга, Шендельс, 1969 — Гулыга Е. В., Шендельс Е. И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.

Матузова, Назарова, 2002 — Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестноносцы и Русь. Конец XII в. — 1270 г. М.: Индрик, 2002.

Gudavičius, 1999 — Gudavičius E. Lietuvos istorija. Vilnius, 1999.

Lexer, 1992 — Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch. Mit einer Einleitung von Kurt Gärtner. — Stuttgart, 1992. 3 Bde.

Meyer, 1848 — Meyer L. (Hrsg.) Livländische Reimchronik von Dittlieb von Alnpeke, in das Hochdeutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen von L. Meyer. Reval, 1848.

Wolf, 1978 — Wolf N. R. Satzkonnectoren im Neuhochdeutschen und Mittelhochdeutschen. Prolegomena zu einer kontrastiven Textsyntax // Sprachwissenschaft 3 (1978). — S. 16—48.

К. А. Филиппов,

д-р филол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Пленарный доклад,

направление «Романо-германский цикл»

Заметки об эстетике немецкого историко-грамматического дискурса XVIII в.

Истоки современного немецкого научного дискурса следует искать в эпохе, пронизанной просветительскими тенденциями, определявшими общественную, политическую, культурную и научную жизнь европейских государств. Именно эпоха Просвещения, охватившая всю Европу и продолжавшаяся весь XVIII в., знаменует переход от невежества и научной косности к пониманию решающей роли разума и науки в познании природы человека и общества.

М. М. Бахтин, говоря о пространстве и времени в произведениях Гёте, пишет о необходимости исторического подхода к эпохе Просвещения: «При таком подходе XVIII век раскрывается как эпоха могучего пробуждения чувства времени, прежде всего чувства времени в природе и в человеческой жизни. До последней трети века преобладают циклические времена, но и они при всей их ограниченности взрывают плугом времени неподвижный мир предшествующих эпох. И в этой взрыленной циклическими временами почве начинают раскрываться и приметы исторического времени. Противоречия современности, утрачивая свой абсолютный, богом данный, вечный характер, раскрывают в современности историческую разновременность — пережитки прошлого и зачатки, тенденции будущего» [Бахтин, 1979, с. 217].

Эстетические черты историко-грамматического дискурса XVIII в. можно определить только в опоре на документальные свидетельства этого периода. Примечательно, что среди текстов, оказавших наибольшее воздействие на развитие европейской науки, В. Г. Адмони называет тексты, в которых документально зафиксированы достижения в математике и астрономии, а также в филологии и логике [Адмони, 1994, с. 105—106]. Данное наблюдение В. Г. Адмони относится к периоду становления современной западноевропейской науки, которая, по словам автора, «начинает свое мощное поступательное движение,

начиная с XVI в., достигает огромных высот в XVII в. и затем все быстрее и быстрее приводит к невероятным успехам на широчайшем фронте» [Адмони, 1994, с. 106].

Из большого числа образных выражений, именующих немецкое Просвещение, я выберу два самых ярких выражения, которые, на мой взгляд, затрагивают существо обсуждаемой темы: *Aufklärung in Deutschland = Jahrhundert der Vernunft & Jahrhundert des Geschmacks*. Такое обозначение немецкого Просвещения встречается во многих работах немецких авторов, я всего лишь обращаюсь к ним, чтобы не только подчеркнуть общие закономерности развития европейской науки и культуры XVIII в., но и показать своеобразие эстетических взглядов немецких ученых. Иными словами, Просвещение в Германии представляет, с одной стороны, «столетие разума», а с другой стороны, «столетие вкуса». Эти стороны немецкого историко-грамматического дискурса XVIII в. находятся друг с другом не в альтернативных (взаимоисключающих), а в комплементарных (взаимодополняющих) отношениях.

Немецкое Просвещение занимает выдающееся место в истории европейской науки и культуры, причем осознание данного факта пришло не сразу. Некоторая ясность в этот вопрос была внесена только в период позднего Просвещения, когда свою позицию по данному вопросу высказали несколько выдающихся немецких представителей науки и культуры. Удивительно, что поводом к полемике о сущности просвещения послужила статья малоизвестного автора, напечатанная в журнале *Berlinische Monatsschrift*.

В декабрьском номере этого ежемесячного журнала за 1783 г. была опубликована статья берлинского пастора Иоганна Фридриха Цёлльнера (**Johann Friedrich Zöllner**), выступившего против заключения браков гражданскими властями. Эта статья стала ответом на выступление анонимного автора в сентябрьском номере журнала в пользу института гражданского брака. В интересах государства Цёлльнер выступил на защиту церковного брака и полемизировал с автором и его сторонниками, кроме всего прочего, по поводу того «смятения в умах и сердцах людей», которое вызывает само слово «Просвещение» [Kant u.a., 2006, S. 3].

Это выступление, вероятно, осталось бы незамеченным, если бы не провокационный вопрос, поставленный автором в примечаниях к статье: «Что такое просвещение? На этот вопрос, который почти так же важен, как вопрос: Что такое истина? — вероятно, следовало бы ответить прежде, чем приступать к просвещению! И все же я нигде не смог найти ответа на этот вопрос!» (*Was ist Aufklärung? Diese Frage, die beinahe so wichtig ist, als: Was ist Wahrheit? sollte doch wohl beantwortet werden, ehe man aufzuklären anfinge! Und doch habe ich sie nirgends beantwortet gefunden!*) [Kant u.a., 2006, S. 3].

Этот вопрос, поставленный до той поры никому не известным протестантским пастором в статье о гражданском браке, помещенный к тому же в сноске внизу страницы, имел важные последствия и оказался чрезвычайно плодотворным для истории европейской философии. Ответ современников Цёлльнера не заставил себя долго ждать.

Первым в полемику вступил философ Мозес Мендельсон, поместивший в сентябрьском номере берлинского журнала за 1784 г. сочинение «О вопросе: что значит просвещать?» (*Über die Frage: Was heißt aufklären?*). Для языковедов наиболее важным представляется та часть его ответа, в которой он связывает между собой понятия «просвещение», «культура», «образование» и «язык»: «Язык достигает просвещения благодаря наукам и достигает культуры благодаря общественному обращению, поэзии и красноречию. Благодаря первому фактору (т. е. просвещению. — К. Ф.) он становится более удобным в теоретическом, благодаря второму фактору (т. е. культуре. — К. Ф.) — в практическом использовании. Оба фактора вместе придают языку образованный вид» (*Eine Sprache erlanget Aufklärung durch die Wissenschaften und erlanget Kultur durch gesellschaftlichen Umgang, Poesie und Beredsamkeit. Durch jene wird sie geschickter zu theoretischem, durch diese zu praktischen Gebrauche. Beides zusammen gibt einer Sprache die Bildung*) [Mendelssohn, 2006, S. 4—5].

Следующим оппонентом выступил Иммануил Кант со своим афористичным разъяснением вопроса «Что такое просвещение?» (*Was ist Aufklärung?*). Знаменитый философ сформулировал своеобразный девиз всей эпохи Просвещения: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения» (*Aufklärung ist der Ausgang des Menschen aus seiner selbstverschuldeten Unmündigkeit. Unmündigkeit ist das Unvermögen, sich seines Verstandes ohne Leitung eines anderen zu bedienen. Selbstverschuldet ist diese Unmündigkeit, wenn die Ursache derselben nicht am Mangel des Verstandes, sondern der Entschließung und des Mutes liegt, sich seiner ohne Leitung eines andern zu bedienen. Sapere aude! Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen! ist also der Wahlspruch der Aufklärung*) [Kant, 2006, S. 9].

Для Канта путь к просвещению предполагал свободу (*Freiheit*) и публичное использование разума (*öffentlicher Gebrauch der Vernunft*). Философ проводил четкую границу между частным и публичным применением разума: «...Применение священником своего разума

перед своими прихожанами есть лишь частное его применение, ибо эти прихожане составляют только домашнее, хотя и большое, собрание людей. И ввиду этого он, как священник, не свободен и не может быть свободным, так как он выполняет чужое поручение. В качестве же ученого, который через свои произведения говорит с настоящей публикой, а именно с миром, стало быть при публичном применении своего разума, священник располагает неограниченной свободой пользоваться своим разумом и говорить от своего имени» (*Der Gebrauch also, den ein angestellter Lehrer von seiner Vernunft vor seiner Gemeinde macht, ist bloß ein Privatgebrauch; weil diese immer nur eine häusliche, obzwar noch so große, Versammlung ist; und in Ansehung dessen ist er, als Priester, nicht frei, und darf es auch nicht sein, weil er einen fremden Auftrag ausrichtet. Dagegen als Gelehrter, der durch Schriften zum eigentlichen Publikum, nämlich der Welt, spricht, mithin der Geistliche im öffentlichen Gebrauche seiner Vernunft, genießt einer uneingeschränkter Freiheit, sich seiner eigenen Vernunft zu bedienen und in seiner eigenen Person zu sprechen*) [Kant, 2006, S. 13].

Приведенная выше цитата интересна тем, что Кант дает в ней краткую характеристику научно-исследовательского подхода, характерного для всей эпохи Просвещения. Хотелось бы еще раз подчеркнуть ключевые слова Канта, характеризующие позицию ученого, пытающегося проникнуть в тайны природы и общества: 1) ученый говорит с миром посредством своих произведений, 2) применение разума должно осуществляться публично, 3) в своей деятельности ученый пользуется неограниченной свободой и 4) говорит от своего имени.

Последующие участники полемики дополнили картину о том, что же такое просвещение. Писатель и поэт Христоф Мартин Виланд поставил шесть вопросов о сущности просвещения и сам подробно ответил на них. Он сравнивал просвещение со светом, при котором вещи предстают в истинном облике. На вопрос, что такое просвещение, он ответил: «Это знает любой, кто при помощи пары видящих глаз научился различать, в чем разница между светлым и темным, между светом и тьмой. В темноте либо вообще ничего не видно, либо по крайней мере ясно видно не в такой мере, чтобы предметы можно было правильно опознать и отличить друг от друга: как только вносят свет, вещи предстают в истинном облике» (*Das weiß jedermann, der vermittle eines Paars sehender Augen erkennen gelernt hat, worin der Unterschied zwischen Hell und Dunkel, Licht und Finsternis besteht. Im Dunkeln sieht man entweder gar nichts oder wenigstens nicht so klar, daß man die Gegenstände recht erkennen und voneinander unterscheiden kann: sobald Licht gebracht wird, klären sich die Sachen auf*) [Wieland, 2006, S. 23]. Немецкий теолог Андреас Рим видел в просвещении потребность человеческого разума (*Aufklärung ist ein Bedürfnis des menschlichen Verstandes*) [Riehm, 2006, S. 29]. Фридрих

Шиллер призывал «наберись смелости стать умнее» (*Erkühne dich, weiser zu sein*). [Schiller, 2006, S. 55].

Приведенные выше мысли были высказаны немецкими просветителями во второй половине XVIII в. Но необходимо заметить, что намного ранее Готфрид Вильгельм Лейбниц подчеркивал: «Мы тем свободнее, чем больше поступаем сообразно рассудку, и тем больше поработены, чем больше поддаемся страстям» [Энциклопедия афоризмов, 2007, с. 7]. (*Wir sind um so freier, je mehr wir der Vernunft gemäß handeln, und um so mehr geknechtet, je mehr wir uns von der Leidenschaft regieren lassen*) [http://www.sprueche-und-zitate.org/html/zitate_leibniz.html].

Теперь обратимся к характеристике второго основания, придающего (наряду с опорой на разум) устойчивость и многообразие всему историко-грамматическому дискурсу XVIII в., а именно к категории вкуса (**Geschmack**). В разное время и в разных городах Германии издаются журналы с примечательными названиями:

- „**Geschmack und Sitten**“ (Göttingen 1752);
- „**Bibliothek für Denker und Männer von Geschmack**“ (Gera 1783—1791);
- **Berlinisches Archiv der Zeit und Ihres Geschmacks** (Berlin 1795—1800);
- „**Amalthea**“. Im Untertitel: „Zeitschrift für Wissenschaft und **Geschmack**“ (Leipzig 1788—1789);
- **Monatsschrift für Deutsche**. Im Untertitel: „Zur Veredelung der Kenntnisse, zur Bildung des **Geschmacks**, und zu froher Unterhaltung“ (Leipzig 1800—1802).

Швейцарский теолог и философ Иоганн Георг Зульцер создает первую энциклопедию на немецком языке, в которой представлены практически все стороны эстетики того времени. В почти 900 словарных статьях автор представляет основные понятия и характерные черты эстетики таких областей, как литература, риторика, изобразительные искусства, архитектура, танец, музыка, сценическое искусство. Иными словами, энциклопедия Зульцера — монументальное произведение эпохи немецкого Просвещения.

Зульцер дает следующее определение категории вкуса: «Вкус в своей основе не что иное, как способность чувствовать прекрасное, точно так же, как разум — способность познавать истинное, совершенное и правильное... Прекрасным называют то, что... нашей силой воображения представляется нам приятным; то, что нравится, даже если не знаешь, что это такое или для чего это служит». (*Der Geschmack ist im Grunde nichts anders, als das Vermögen das Schöne zu empfinden, so wie die Vernunft das Vermögen ist, das Wahre, Vollkommene und Richtige zu erkennen; das sittliche Gefühl, die Fähigkeit das Gute zu fühlen... Man nennet dasjenige Schön, was sich, ohne Rücksicht auf irgend eine andre Beschaffenheit, unsrer Vorstellungskraft auf eine angenehme Weise darstellt;*

was gefällt, wenn man gleich nicht weiß, was es ist, noch wozu es dienen soll) [Sulzer, 1771, S. 461].

Нельзя обойти своим вниманием также философское понимание категории вкуса Кантом. Для меня достаточно двух классических положений немецкого философа, взятых из его работы «Критика способности суждения» (*Kritik der Urtheilskraft*) (1790).

- «Суждение вкуса есть эстетическое суждение» [Кант, 1966, с. 202].
- «Вкус — это способность судить о прекрасном» [Там же].

Из немалого числа выдающихся представителей немецкого Просвещения выберем четыре имени, оказавших, на мой взгляд, самое непосредственное влияние на развитие всей европейской науки и культуры. Это Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646—1716), Христиан Вольф (1679—1754), Иоганн Кристоф Готшед (1700—1766), Иоганн Кристоф Аделунг (1732—1806).

Готфрид-Вильгельм Лейбниц (1646—1716) — один из самых значительных ученых Европы, философ, математик, юрист, дипломат, «последний универсальный ученый Германии», как называют его в библиографических справочниках.

Важнейшие научные достижения Лейбница: независимо от Ньютона он создал математический анализ — дифференциальное и интегральное исчисление; обосновал комбинаторику как науку. Лейбниц задолго до Зигмунда Фрейда привел доказательства существования подсознания человека. Ему принадлежат многочисленные чисто прикладные проекты (от создания арифмометра до проекта подводной лодки).

Дополнительно следует заметить, что в 2007 г. все эпистолярное творчество Лейбница, содержащее около 15 000 писем, направленных к примерно 1100 адресатам, специальным постановлением ООН было внесено в список Всемирного наследия и находится под защитой ЮНЕСКО.

Христиан Вольф (1679—1754) — одна из наиболее влиятельных фигур в немецкой науке XVIII в. Современники видели в нем идейного продолжателя Готфрида-Вильгельма Лейбница. Стремление подчеркнуть роль разума, логических законов и форм мышления прослеживается в самом названии многих произведений Х. Вольфа, которые начинались словами «Разумные мысли» (*Vernünfftige Gedanken*) (ср. приведенные выше работы Лейбница). Именно Х. Вольф, почетный член Петербургской академии наук (1725), стал научным наставником Ломоносова во время его пребывания в Германии (1736—1740 гг.).

Крупный немецкий писатель и теоретик литературы эпохи Просвещения Иоганн Кристоф Готшед (1700—1766) был признанным последователем Лейбница и Вольфа. Своим преподаванием и литературно-журналистской деятельностью Готшед содействовал развитию не-

мецкой литературы, театра и риторики. Готшед — один из создателей немецкого просветительского классицизма. Его художественное мировоззрение носило рационалистический характер, в поэзии и литературе наибольшее значение он придавал поучительности. Его девизом были ясность, простота, правдоподобие.

Иоганн Кристоф Аделунг (1732—1806) — немецкий филолог, сыгравший значительную роль в унификации немецкого литературного языка. Его труды способствовали становлению в Германии науки о языке. Его главный труд — Грамматико-критический словарь немецкого языка (первое издание 1774—1786 гг.). Значение Аделунга для Германии своеобразным способом отмечено братьями Гримм в их «Словаре немецкого языка»: это единственное имя собственное, зафиксированное в этом выдающемся труде. Ср.: «ADELUNG, m. *vir nobilis*, ahd. adalunc, und gangbarer mansname, der wohlklingende eigennamen eines mannes, der voraus durch sein wörterbuch ein hohes verdienst um unsere sprache sich errungen hat» [*Deutsches Wörterbuch, 1854, S. 178*] («благозвучное имя человека, который благодаря своему словарю заслужил наше глубокое уважение своей заботой о нашем языке»).

Лейбниц одну из своих работ, написанных на немецком языке (*Unvorgreifliche Gedanken, betreffend der Ausübung und Verbesserung der deutschen Sprache*), начинает словами: «Известно, что язык является зеркалом разума и что народы, если они хотят возвысить свой разум, одновременно должны хорошо владеть языком, как показывают примеры греков, римлян и арабов» (*Es ist bekandt, daß die Sprache ein Spiegel des Verstandes, und daß die Völcker, wenn Sie den Verstand hoch schwingen, auch zugleich die Sprache wohl ausüben, welches der Griechen, Römer und Araber Beyspiele zeigen*) (цит. по: [Pietsch, 1908, S. 327]). Знаменитая метафора Лейбница «Язык есть зеркало разума» стала ключевой для понимания позиции ученых-просветителей в области языка.

В §57, говоря о главных характерных чертах языка, Лейбниц пишет: «Богатство — это первое и самое необходимое свойство языка, оно состоит в том, чтобы не было недостатка, а, наоборот, было избытке удобных и выразительных слов, служащих для любого случая, с той целью, чтобы все можно было представить точно и реально и одновременно как бы нарисовать живыми красками» (**Reichthum** ist das erste und nöthigste bey einer Sprache und bestehet darin, dass kein Mangel, sondern vielmehr ein **Überfluss** erscheine an bequemen und **nachdrücklichen** Worten, so zu allen Vorfälligkeiten dienlich, damit man alles **kräftig** und eigentlich vorstellen und gleichsam mit lebenden Farben abmahlen könne) (цит. по: [Pietsch, 1908, 343]).

Я хочу обратить ваше внимание на некоторые слова в приведенных выше цитатах, они характеризуют необходимые свойства языка: зеркало разума (*ein Spiegel des Verstandes*), богатство (*Reichthum*), избытке (*Überfluss*), выразительный (*nachdrücklich*), крепкий (*kräftig*).

Лейбниц представил свое понимание знакового характера языка: «Однако при использовании языка особо нужно отметить то, что слова являются знаками не только мыслей, но и вещей и что знаки нам нужны не только для того, чтобы сообщить наше мнение другим, но и помочь самим нашим мыслям» (*Es ist aber bey dem Gebrauch der Sprache auch dieses sonderlich zu betrachten, dass die Worte nicht nur der Gedancken, sondern auch der Dinge Zeichen seyn, und dass wir Zeichen nöthig haben, nicht nur unsere Meynung andern anzudeuten, sondern auch unsern Gedancken selbst zu helfen*) [Pietsch, 1908, S. 328].

В понимании Лейбница, слова — это «разменные монеты» (*Rechen-Pfennige*), «векселя разума» (*Wechsel-Zeddel des Verstandes*), используемые вместо образов и вещей [Pietsch, 1908, S. 329]. При этом слова должны быть «хорошо оформленными, хорошо различимыми, доступными, употребительными, легко произносимыми и приятными» (*wohl gefasset, wohl unterschieden, zulänglich, häufig, leichtfließend und angenehm*) [Pietsch, 1908, S. 329].

Вольф в 1726 г. представил собственное описание своих философских трудов, вышедших на немецком языке (*Ausführliche Nachricht des Autoris von seinen eigenen Schriften / die er in deutscher Sprache von den verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben*). В этом произведении мы находим много положений, созвучных мыслям Лейбница о роли разума в изучении природы и общества, а также развивающих его концепцию языка.

В 4-й главе этой книги под названием «О свободе философствования, которой пользуется автор» (*Das 4. Capitel. Von der Freyheit zu philosophiren, deren sich der Autor bedienet*) немецкий ученый неоднократно говорит о личной ответственности исследователя за результаты научного поиска. При этом он сначала ссылается на свой собственный опыт, а уже затем формулирует общее правило, содержащее главный смысл научного поиска. Ср.: «В поисках истины я ориентировался на себя, а не на других» (*Ich habe mich in Beurtheilung der Wahrheit nach mir und nicht nach andern gerichtet*) [Wolff, 1733, S. 126—127]. Там же он говорит о причинах, по которым он пользуется немецким языком при написании философских произведений: «Философские тексты на немецком языке я написал на тот случай, чтобы мои слушатели могли бы пользоваться ими на занятиях. Потому что со мной, как и с другими профессорами, случалось так, что мои лекции (речи) конспектировались неправильно, так что часто в них или не было видно никакого смысла, или же часто был смысл, совсем противоположный моему пониманию» (*Die deutsche Schriften von der Welt-Weisheit habe ich hauptsächlich zu dem Ende geschrieben, damit sich meine Zuhörer derselben in den Collegiis bedienen könnten. Denn es gieng mit mir wie andern Professoribus, daß meine Discourse unrecht nachgeschrieben worden, so daß öftters entweder gar kein Verstand herauskam, öftters aber ein Verstand, der meinem Sinne gantz entgegen stund*) [Wolff, 1733, S. 23].

Наконец, в главе 4 Вольф высказывает мысль, достойную включения в энциклопедию знаменитых фраз немецкой эпохи Просвещения: «Разуму нельзя приказать» (*Der Verstand lässet sich nicht befehlen*) [Wolff, 1733, S. 130].

И две цитаты из этого же произведения: ср. «Ведь поскольку немецкий язык не так беден, чтобы заимствовать слова и выражения из других языков, то нет никакой необходимости вводить в него чужие слова и выражения. Я обнаружил, что наш язык много более подходит наукам, чем латинский язык, и что на чистом немецком языке можно делать доклады о том, что на латыни звучит весьма варварски» (*Ja da unsere deutsche Sprache nicht so arm ist, daß sie aus andern Sprachen Wörter und Redens-Arten entlehnen muß; so ist gar keine Noth vorhanden, warum wir fremde Wörter und Redens-Arten darein bringen wollen. Ich habe gefunden, saß unsere Sprache zu Wissenschaften sich viel besser schickt als die Lateinische, uns daß man in der reinen deutschen Sprache vortragen kan, was im Lateinischen sehr barbarisch klinget*) [Wolff, 1733, S. 27].

В § 21 Вольф определяет основную черту своего подхода к преподаванию наук: «Ибо я занимаюсь науками и пытаюсь при помощи ясных понятий сделать слова понятными и с помощью сильных доводов убедить читателя в истине того, о чем я говорю» (*Denn ich handle Wissenschaften ab und suche durch Deutlichkeit der Begriffe die Worte verständlich zu machen, und durch kräftige Gründe den Leser von der Wahrheit dessen, was ich vortrage, zu überzeugen*) [Wolff, 1733, S. 51].

В приведенных цитатах снова ключевыми оказываются слова разум (*Verstand*), понятный (*verständlich*), не бедный (*nicht so arm*), внятность, понятность (*Deutlichkeit*), чистый (*rein*), крепкий (*kräftig*). Отдельного упоминания заслуживает убежденность Вольфа в возможности и необходимости использования родного языка в науке: «Наш язык много более подходит наукам, чем латынь».

Крупный немецкий писатель и теоретик литературы эпохи Просвещения Готшед (1700—1766) был признанным последователем Лейбница и Вольфа. Наиболее значительным трудом в области грамматики считается его книга «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst*», которая вышла в свет в 1748 г. и служила образцом учебника по грамматике многие десятилетия, см., например: [Götttert, 2010, S. 215].

Уже в самом названии учебника Готшед закладывает свое видение немецкой грамматики; ср.: «*Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst*». Ориентация писателя на лучшие образцы текстов немецких писателей «прошлого и нынешнего веков» позволяет некоторым авторам назвать позицию Готшеда «просвещенным разумным вариантом старого образца» (*eine aufgeklärt vernünftigen Variante des alten Musters*) [Gottsched, 1752, S. 248].

Готшед стремился к созданию совершенного языка, это видно хотя бы из того, что одна из глав его грамматики называется «*Von der Vollkommenheit einer Sprache überhaupt*». В этом разделе, кроме всего прочего, перечисляются черты, создающие совершенный облик языка. В § 3 говорится: «Насколько богатство и изобилие составляют первую сторону совершенства языка, настолько очевидно, что вторую особенность составляет понятность языка. Потому что язык — это средство, с помощью которого люди выражают свои мысли, и притом с намерением, что они будут понятны другим людям» (*Wie nun der Reichthum und Überfluß die erste Vollkommenheit einer Sprache abgeben: so ist es auch gewiß, daß die Deutlichkeit derselben die zweyte ist. Denn die Sprache ist das Mittel, wodurch man seine Gedanken, und zwar in der Absicht ausdrücket, daß sie von andern verstanden werden sollen*) [Gottsched, 1752, S. 50]. В четвертом параграфе Готшед добавляет еще одно свойство: «Третье свойство языков — это краткость, или выразительность, т. е. способность несколькими словами выразить множество мыслей» (*Die dritte gute Eigenschaft der Sprachen ist die Kürze, oder der Nachdruck; vermöge dessen man, mit wenigen Worten, viele Gedanken entdecken kann*) [Gottsched, 1752, S. 51].

По мнению Л. Айхингера, основу грамматики Готшеда составляет «правильный разумный язык образованных людей» (*die gebildete, ge-regelte Sprache der Vernunft*) [Eichinger, 2011, S. 250]. Ср. высказывание Готшеда: «Грамматика вообще — это обоснованные указания, как следует говорить и писать на языке какого-либо народа, в соответствии с его лучшим диалектом и в согласии с лучшими писателями» (*Eine Sprachkunst überhaupt ist eine gegründete Anweisung, wie man die Sprache eines gewissen Volkes, nach der besten Mundart desselben, und nach der Einstimmung seiner besten Schriftsteller, richtig und zierlich, sowohl reden, als schreiben solle*) [Gottsched, 1752, S. 37].

Взгляды представителя позднего немецкого Просвещения И. К. Аделунга носят явно выраженные черты сходства с грамматическими воззрениями Готшеда. Главный лексикографический труд Аделунга — создание «Грамматико-критического словаря немецкого литературного языка» (*Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart*), работа над которым заняла 12 лет (1774—1786). Во всех произведениях Аделунга, включая его словарь, видны черты просветительских идей XVIII в.

В работе *Umständliches Gebäude der Deutschen Sprache, zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schule* (1782) Аделунг, обращаясь к школьным учителям, пишет: «Грамматика присуща разумному и научному сообщению в той же степени, что любая другая наука, и обязанность любого учителя грамматики — дать всем понятиям в языке высшую, какую только возможно, степень понятности и разъяснить начала всей явлений, насколько это позволяет природа вещей» (*Die Sprachlehre ist des vernünftigen und wissenschaftlichen Vortrages eben so sehr fähig als*

eine jede andere Lehre, und es ist die Pflicht eines jeden Sprachlehrers, allen Begriffen in der Sprache den höchsten nur möglichen Grad der Deutlichkeit zu geben und die Gründe aller Erscheinungen aufzusuchen, als die Natur der Sache es verstatet) [Adelung, 1782, S. 116].

По словам Л. Айхингера, одного из авторитетных современных немецких исследователей творчества Аделунга, в оценке того, что можно считать хорошим стилем немецкого языка, взгляды Аделунга не намного отличаются от концепции Готшеда. Немецкий автор видит много соответствий между оценками нормативного немецкого языка двумя выдающимися учеными-просветителями. Так, признаки хорошего стиля, упоминаемые Готшедом в своих трудах (*deutlich, artig, ungezwungen, vernünftig, natürlich, edel, wohlgefaßt, ausführlich, wohlgeknüpft, wohlangeheilet*), во многом соответствуют характеристикам, приводимым в своих работах Аделунгом (*Hochdeutsch, Sprachrichtigkeit, Reinigkeit, Klarheit, Deutlichkeit, Angemessenheit, Präzision, Würde, Wohlklang, Einheit*). И только четырем признакам языка в трактовке Аделунга нет соответствия в концепции Готшеда, а именно: *Hochdeutsch, Sprachrichtigkeit, Reinigkeit, Einheit* [Eichinger, 2011, S. 258].

Завершить свой краткий экскурс в историко-грамматический дискурс XVIII в. я хочу следующим рассуждением и примером. При определении эстетических взглядов историко-грамматического дискурса XVIII в. следует учитывать не только основные тенденции, определявшие развитие науки и культуры европейского Просвещения, но и разнообразие концепций, применяемых авторами при решении частных задач. Примером такого совмещения общих принципов и частных способов может служить фрагмент, содержащийся в словарной статье *Das Zeitwort* главного произведения Аделунга. В этом тексте автор называет причину, по которой он предпочитает латинский термин какому-либо немецкому слову: «нелегко найти подходящее немецкое слово, которое выражало бы основное содержание с точностью и вкусом (разрядка моя. — К. Ф.)» (*so wird sich wohl nicht leicht ein schickliches Deutsches Wort ausfindig machen lassen, welches auch nur den Hauptbegriff mit Präcision und Geschmack ausdrückte*) [Adelung, 1801, S. 1681]. Два вышеназванных критерия — точность (т. е. опора на разум) и вкус (т. е. ориентация на личные пристрастия автора) — полностью соответствуют основным понятиям эпохи Просвещения.

Таким образом, главные движущие идеи эпохи Просвещения — опора на разум и свобода творчества — обусловили появление крупных достижений во многих областях науки и культуры. Грамматические концепции Лейбница, Вольфа, Готшеда, Аделунга позволили заложить основы современного немецкого языкознания, которые затем были продолжены трудами братьев Гримм, Вильгельма Гумбольдта и других выдающихся немецких лингвистов.

Литература

Адмони, 1994 — Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. М.: Наука, 1994.

Бахтин, 1979 — Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1979.

Кант, 1966 — Кант И. Сочинения в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

Энциклопедия афоризмов, 2007 — Энциклопедия афоризмов и мыслей великих людей / Сост. А. Семенов. М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2007.

Adelung, 1808 — Adelung J. Chr. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen- 4. Theil, von Seb — Z. — Wien: Anton Pichler, 1808.

Adelung, 1782 — Adelung J. Chr. Umständliches Lehrgebäude der Deutschen Sprache zur Erläuterung der Deutschen Sprachlehre für Schulen. 1. Band. — Leipzig, 1782.

Deutsches Wörterbuch, 1854 — Deutsches Wörterbuch von Jakob und Wilhelm Grimm. Erster Band. Leipzig, 1854.

Eichiger L. M. Vom Glück, Regeln zu befolgen — Adelung im Stil des 18. Jahrhunderts // Aufklärer, Sprachgelehrter, Didaktiker: Johann Christoph Adelung (1732—1806) / Hrsg. von H. Kämper, A. Klose, O. Vietze. — Tübingen; Günter Narr Verlag, 2011. S. 247—270.

Götttert, 2010 — Götttert K.-H. Deutsch. Biografie einer Sprache: 4. Aufl. Berlin: Ullstein, 2010.

Gottsched, 1752 — Gottsched J. Chr. Grundlegung einer deutschen Sprachkunst, nach den Mustern der besten Schriftsteller des vorigen und jetzigen Jahrhunderts abgefasst, und bey dieser dritten Auflage merklich vermehret von Johann Christoph Gottscheden. Leipzig, 1752.

Kant, 2006 — Kant I. Beantwortung der Frage: Was ist Aufklärung! // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 8—17.

Kant u. a., 2006 — Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006.

Mendelssohn, 2006 — Mendelssohn M. Über die Frage: Was heißt aufklären? // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 3—7.

Pietsch, 1908 — Pietsch P. Leibniz und die deutsche Sprache // Wissenschaftliche Beihefte zur Zeitschrift des Allgemeinen Deutschen Sprachvereins. — 4. Reihe. 1908. Heft 30. S. 313—356.

Riehm, 2006 — Riehm A. Aufklärung ist ein Bedürfnis des Menschlichen Verstandes // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 28—36.

Schiewe, 2007 — Schiewe J. Zum Wandel des Wissenschaftsdiskurses in Deutschland // Reden und Schreiben in der Wissenschaft / Hrsg. von P. Auer und H. Baßler. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2007. S. 31—49.

Schiller, 2006 — Schiller Fr. Über die Grenzen der Vernunft // // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung?

rung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 53—56.

Sulzer, 1771 — Sulzer J. G. Allgemeine Theorie der Schönen Künste. Erster Theil. Leipzig. 1771.

Wieland, 2006 — Wieland Chr. M. Sechs Fragen zur Aufklärung // Kant, Erhard, Hamann, Herder, Lessing, Mendelssohn, Riem, Schiller, Wieland. Was ist Aufklärung? Thesen und Definitionen / Hrsg. von Ehrhard Bahr. Stuttgart: Reclam, 2006. S. 23—27.

Wolff, 1733 — Wolff Chr. Christian Wolffens / Ausführliche Nachricht von seinen eigenen Schriften / die er in deutscher Sprache von verschiedenen Theilen der Welt-Weisheit heraus gegeben. 2. Ausgabe. Frankerfurt am Mayn, 1733.

Е. А. Филонов,

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Секция «Поэтика классического и неклассического нарратива»

Повествование Н. В. Гоголя: история и перспективы изучения

Теория повествования — на сегодняшний день одна из наиболее интенсивно развивающихся отраслей литературной теории. Ее категориальный аппарат разрабатывается и в практическом анализе конкретных текстов, и в теоретической полемике. Логика развития любого научно-теоретического направления требует в определенные моменты «подведения итогов» и создания неких промежуточных обобщений, которые могли бы стать отправной точкой его движения на следующем этапе.

При этом важным представляется вопрос о форме такого обобщения. Среди подобных работ, посвященных проблеме повествования, можно назвать, например, обобщение по типу «энциклопедии» (такова книга Н. А. Кожевниковой «Типы повествования в русской литературе XIX—XX веков» [Кожевникова, 1994]); обобщение по типу «учебника» (такова «Нарратология» В. Шмида [Шмид, 2003]).

В данной статье предлагается опыт теоретического обобщения несколько иного рода: эволюция принципов научного описания художественного нарратива прослеживается на примере истории изучения повествовательного творчества конкретного писателя.

В исследовательской литературе, посвященной творчеству Н. В. Гоголя, нарратологическая проблематика традиционно занимает одно из центральных мест. Постоянное внимание исследователей к характерным для прозы Гоголя формам и законам повествования — от пионерских работ формальной школы до современных нарратологических исследований — дает основания к тому, чтобы сделать традицию изучения гоголевского нарратива предметом рефлексии.